

Посвящается Ребекке

THE STORY OF CHINA

A PORTRAIT OF A CIVILISATION AND ITS PEOPLE

MICHAEL WOOD

London · New York · Sydney · Toronto · New Delhi

МАЙКЛ ВУД

ПОДНЕБЕСНАЯ

4000 ЛЕТ КИТАЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва, 2025

УДК 94(510)
ББК 63.3(5Кит)
В88

Переводчик МАКСИМ КОРОБОВ
Научный редактор МАРК УЛЬЯНОВ, канд. ист. наук
Редактор АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

Вуд М.

В88 Поднебесная: 4000 лет китайской цивилизации / Майкл Вуд ; Пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2025. — 622 с.

ISBN 978-5-00139-893-6

Автор описывает историю Китая с древних времен и до наших дней, опираясь не только на известные научные факты и последние археологические открытия, но также на дошедшие до нас письма, в том числе эпохи династий Цинь и Тан, на личные дневники, на свидетельства ныне живущих людей, рассказывающих о прошлом на основании семейных документов и устных преданий. Благодаря этому многовековая история Китая предстает как история людей — живая, драматичная и захватывающая.

УДК 94(510)
ББК 63.3(5Кит)

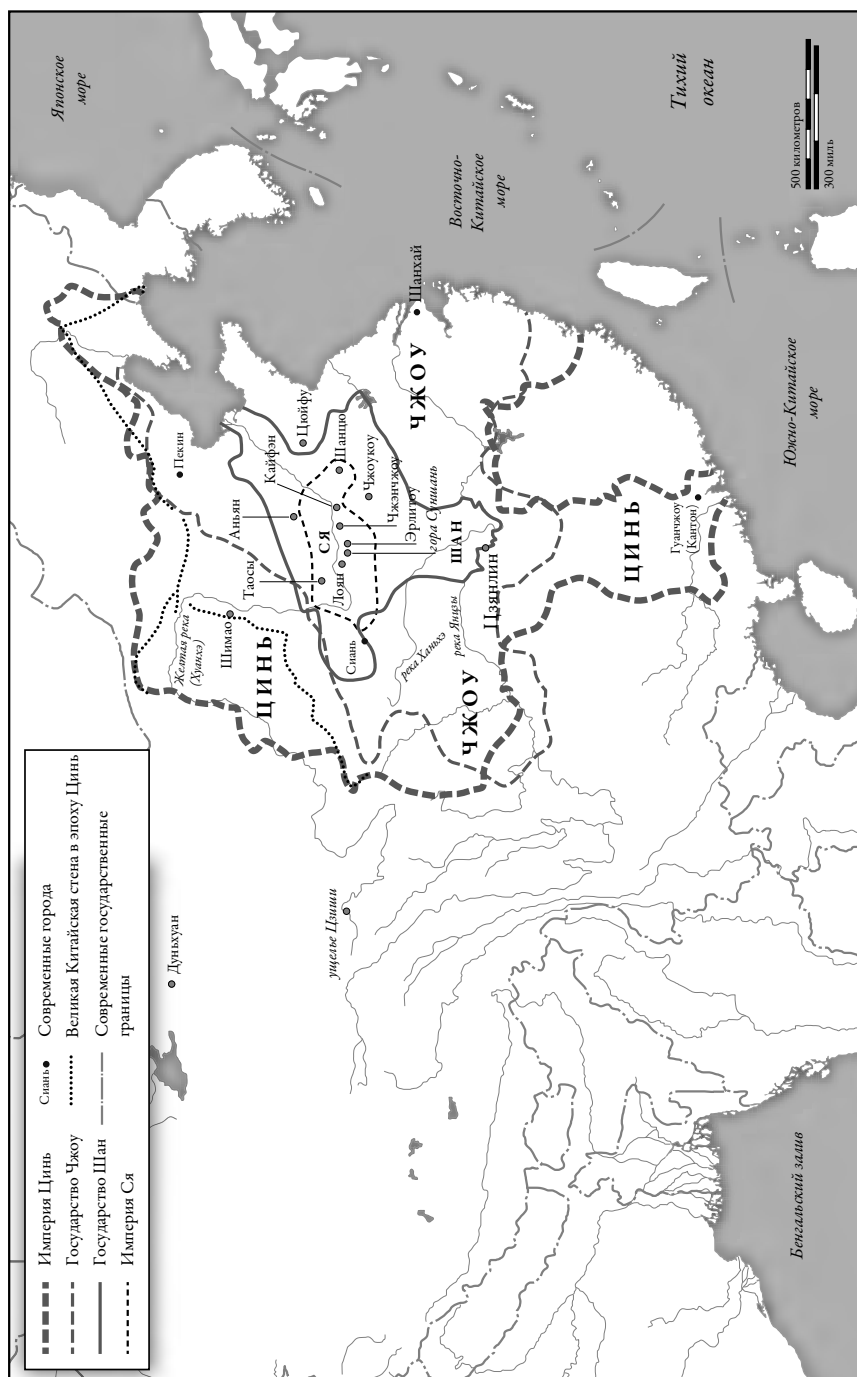
Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00139-893-6 (рус.)
ISBN 978-1-4711-7598-5 (англ.)

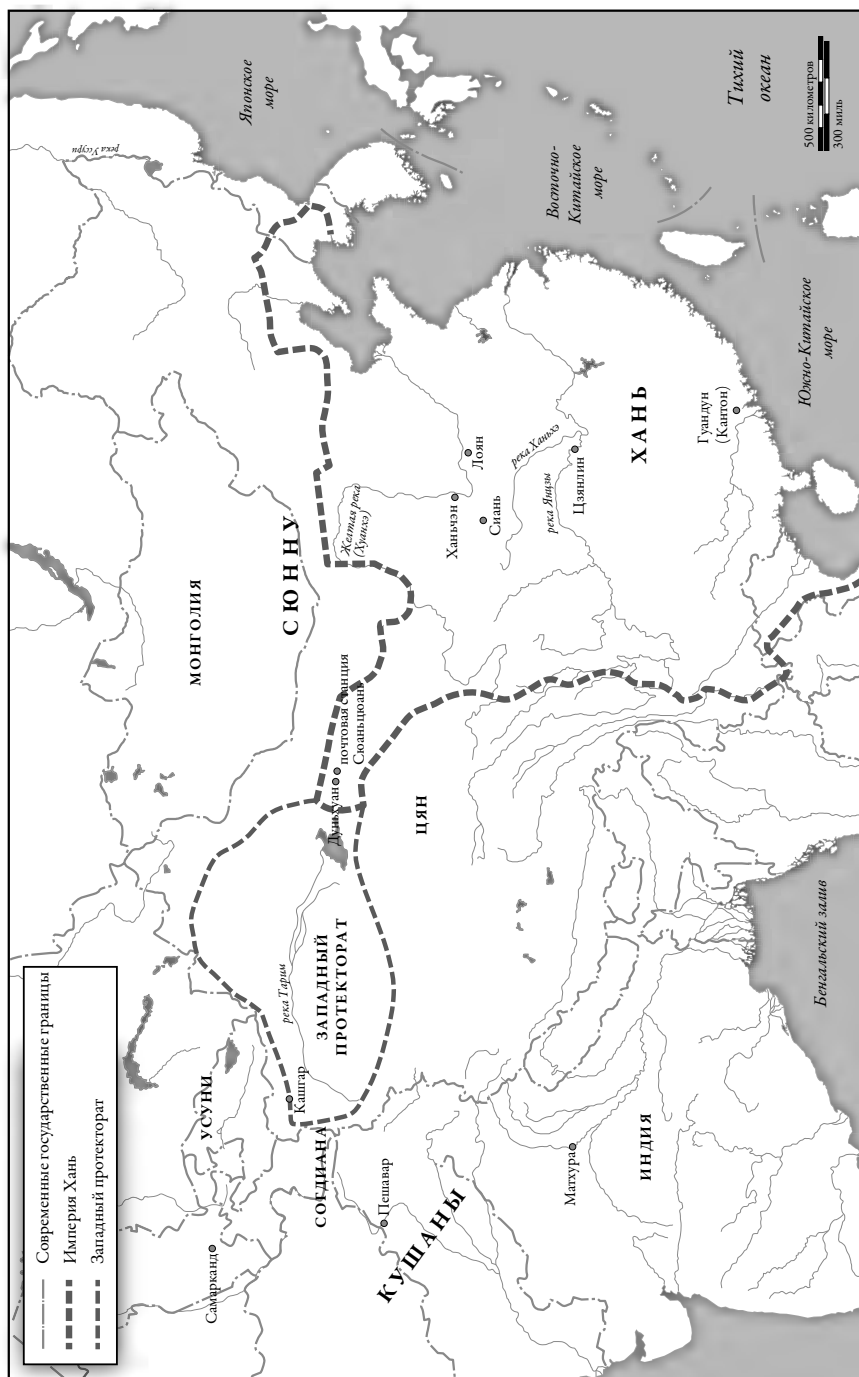
© Michael Wood, 2020
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

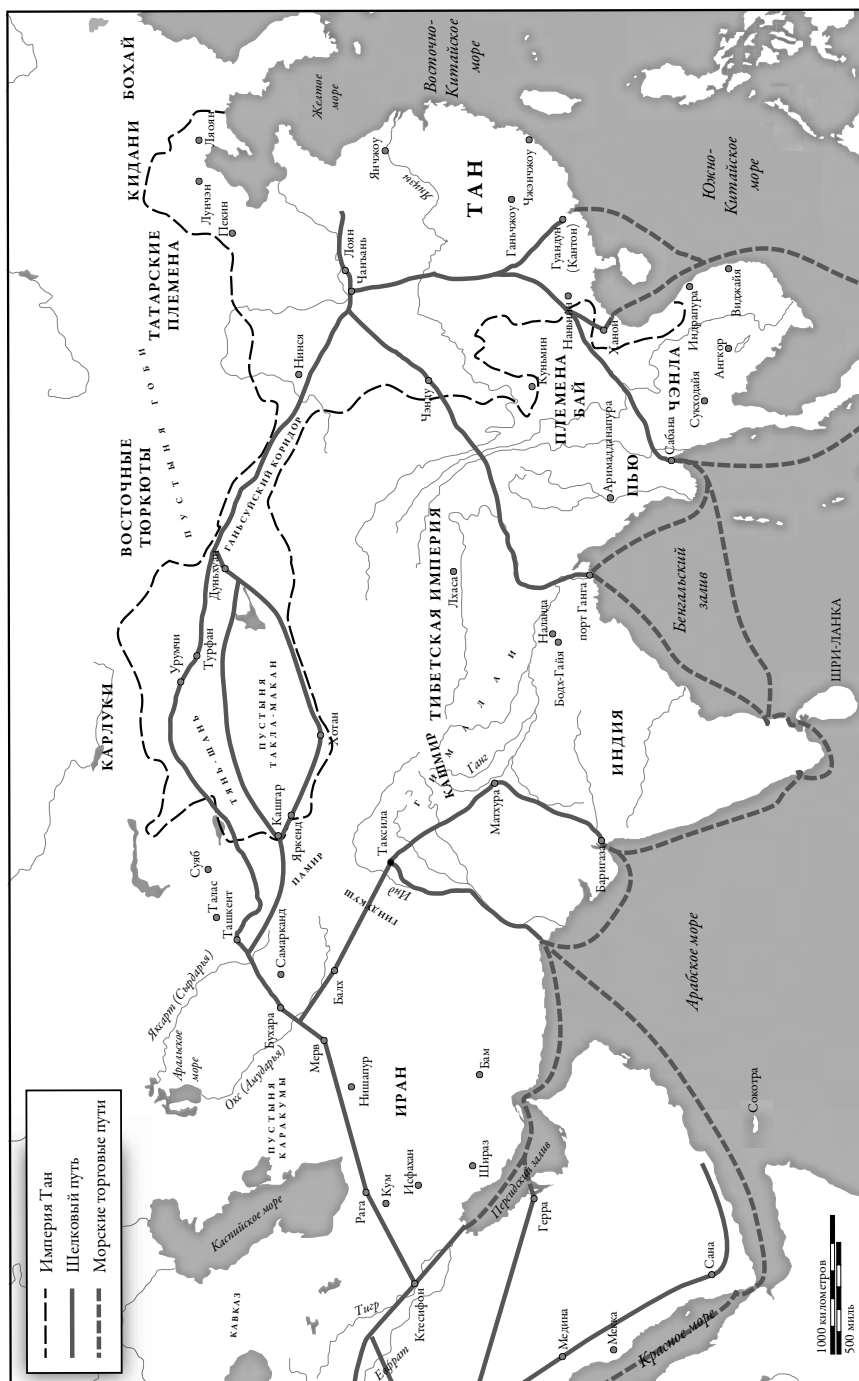
<i>Предисловие</i>	15
<i>Пролог. Пекин, декабрь 1899 г.</i>	21
Глава 1 Корни	33
Глава 2 Великая война Шан	63
Глава 3 Небесный мандат	77
Глава 4 Первый император и объединение Китая	93
Глава 5 Империя Хань	117
Глава 6 Славная эпоха Тан	147
Глава 7 Упадок и крушение	175
Глава 8 Пять династий	194
Глава 9 Сунский Ренессанс	208
Глава 10 Падение Северной Сун	226
Глава 11 Южная Сун, 1127–1279 гг.	249
Глава 12 Юань: Китай под властью Монгольской империи	270
Глава 13 Мин	300
Глава 14 Последние дни империи Мин	332
Глава 15 Великая Цин: долгий XVIII век	368
Глава 16 Опиумные войны и тайпины	406
Глава 17 Великая китайская революция, 1850–1950 гг.	446
Глава 18 Эпоха реформ: от Республики до Мао	483
Глава 19 Подъем нового Китая	521
 <i>Послесловие</i>	 563
<i>Благодарности</i>	569
<i>Примечания</i>	571
<i>Список литературы</i>	595
<i>Предметно-именной указатель</i>	614

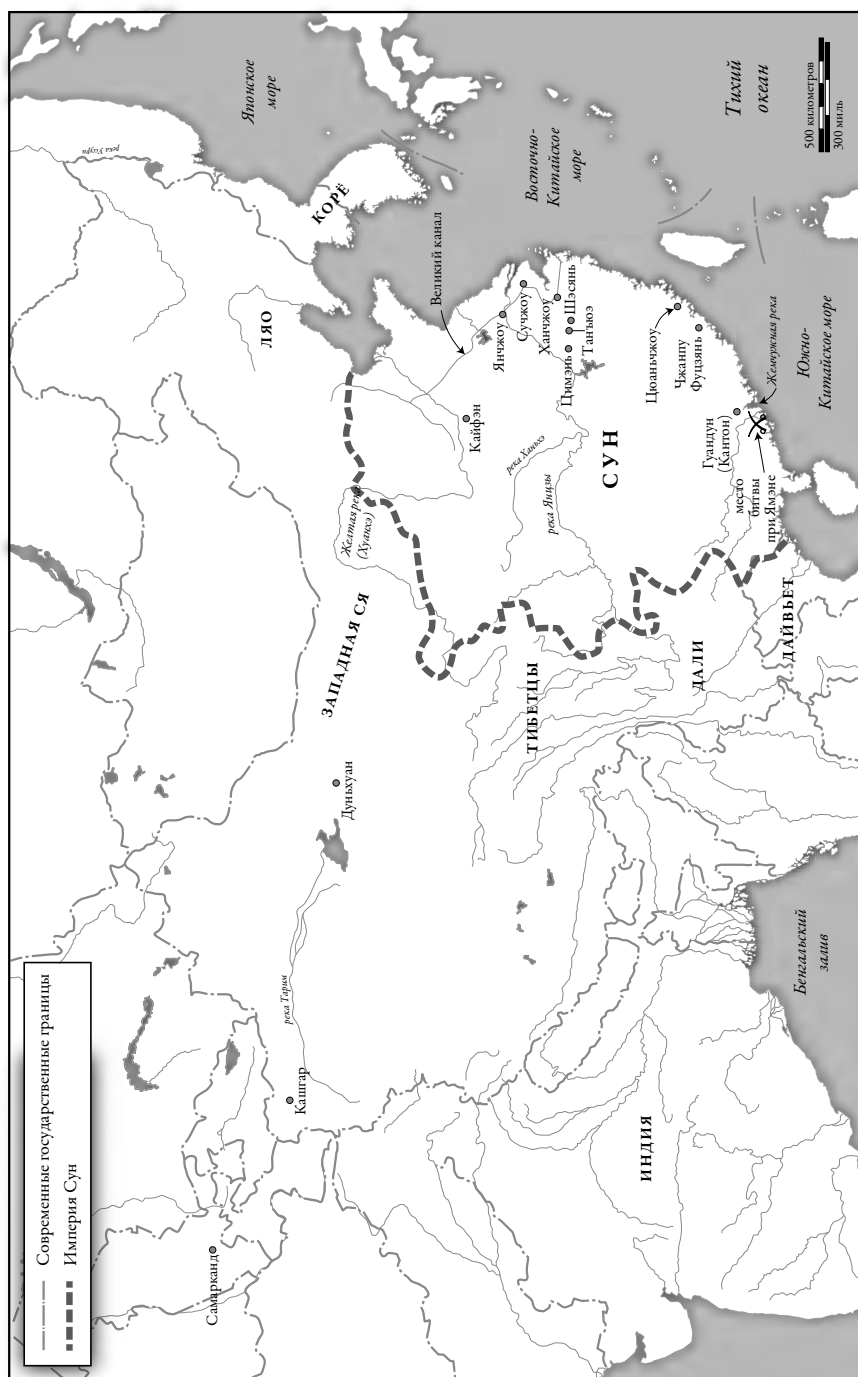
Ранний Китай, ок. 2000 г. до н. э. – 206 г. до н. э.

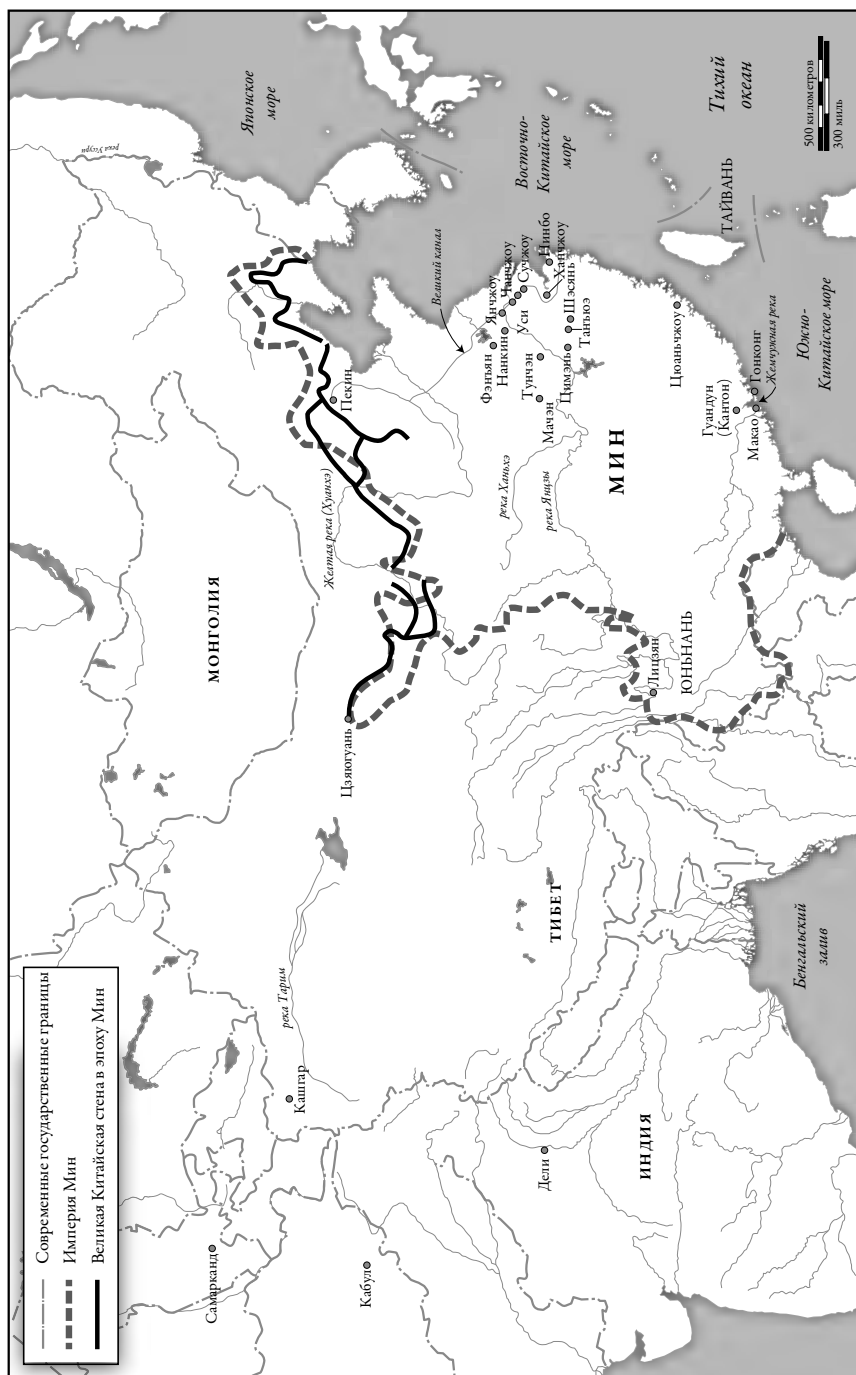
Хань, 202 г. до н. э. – 220 г. н. э.

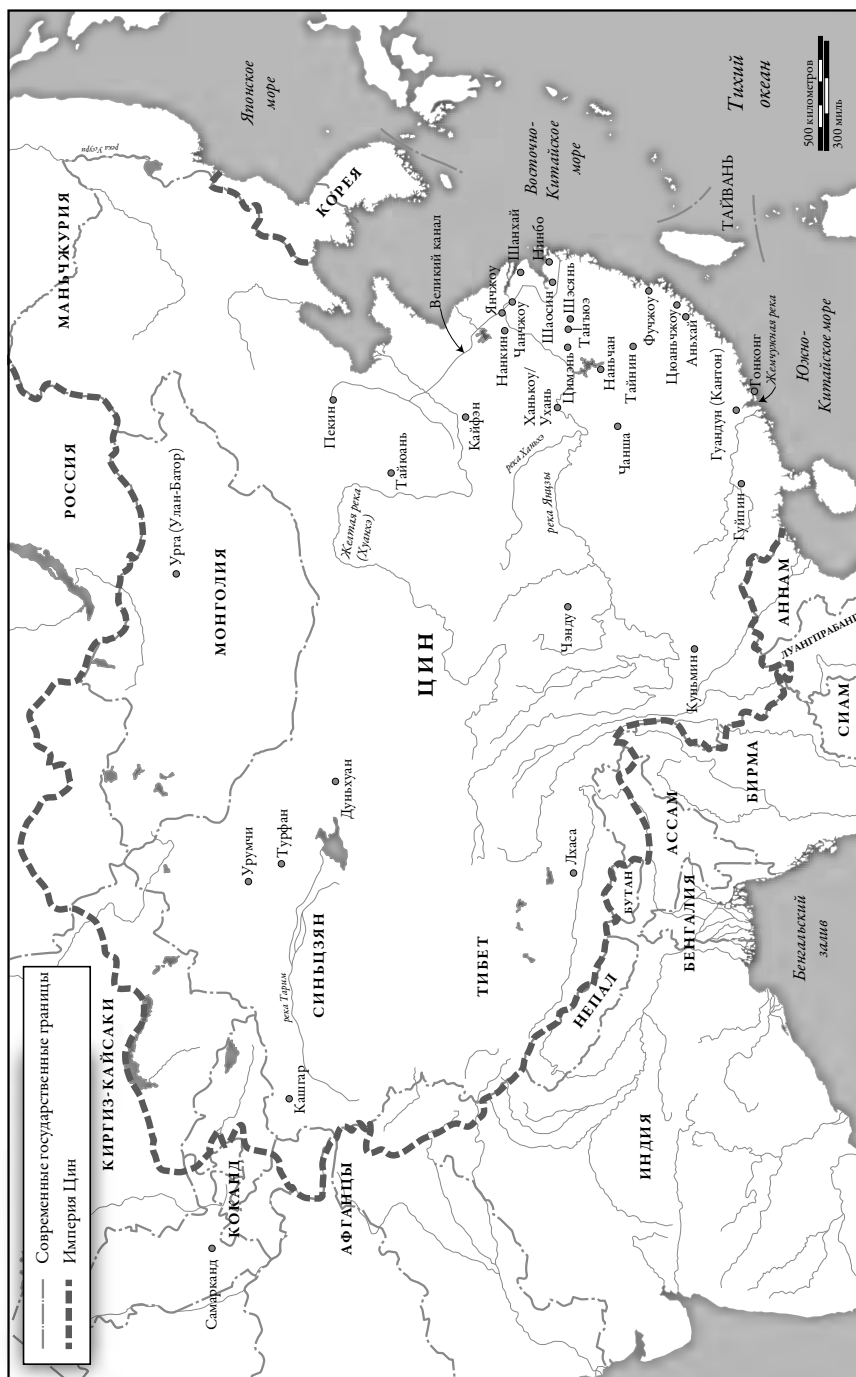
Шелковый путь и эпоха Тан, 618–907 гг.

Северная Сун, 960–1127 гг.

Мин, 1368–1644 гг.

Империя Цин, 1644–1912 гг.

Современный Китай

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга есть плод моего долгого увлечения Китаем, начавшегося еще в школьные годы в Манчестере с «Поэзии поздней Тан» Энгуса Грэма — одного из тех сочинений, что открывают перед читателем окно в мир, о существовании которого он раньше и не догадывался. Позднее, в годы аспирантуры в Оксфорде, мне довелось жить под одной крышей с синологом, и это стало временем новых открытий, познакомивших меня с такими удивительными работами, как «Книга песен» Артура Уэйли. Среди потрясающих личностей, бывавших у нас в гостях, оказался Дэвид Хукс, который присутствовал на площади Тяньаньмэнь в тот самый день 1 октября 1949 г., когда была провозглашена Китайская Народная Республика, и который не так давно покинул профессорский пост преподавателя китайского языка, чтобы заняться переводом «романа тысячелетия»¹ — знаменитого «Сна в красном тереме» (история этой книги будет рассказана мной ниже; см. с. 392).

С тех пор и на протяжении более четырех десятилетий я неоднократно посещал Китай в качестве путешественника и телеведущего, работая, среди прочего, над серией фильмов «Китайская история», которая демонстрировалась по всему миру, а затем, в 2018 г., — над документальным циклом, посвященным сороковой годовщине политики «реформ и открытости» Дэн Сяопина, ставшей одним из самых значительных событий новейшей истории.

Наконец, совсем недавно, осенью 2019 г., я еще раз приехал в Китай, чтобы снять фильм о его выдающемся поэте Ду Фу, причем эта поездка, пусть и с некоторым опозданием для настоящей книги, предоставила мне еще одну возможность задуматься о древности китайской культуры и ее непреходящих идеалах.

Мы проводили съемки в городе Чэнду, где Ду Фу с конца 759 г. жил на протяжении почти четырех лет. Сегодня место, где предположительно располагалась его тростниковая хижина, является одной из самых очаровательных и популярных у туристов достопримечательностей Китая, привлекая своими декоративными ручейками и садами, бамбуковыми зарослями, персиковыми и сливовыми деревьями, которые перемежаются желтыми проблесками цветков ламея и жасмина. Реконструированные здания, павильоны и сувенирные лавки могут показаться посетителю начисто выдуманном прошлом, но не так давно, после одной случайной находки, сделанной во время прокладки водоотвода, на территории туристического комплекса удалось обнаружить фундамент небольшого буддистского монастыря эпохи Тан с домами и вымощенными кирпичом площадками — точь-в-точь такими, как их описывал Ду Фу.

В надписи на табличке, датированной 687 г., упоминается даже «небольшая пагода старшего монаха»: это, по-видимому, то самое сооружение «к западу от реки», которое Ду Фу называет «пагодой монаха Хуана». Вместе с керамической посудой и глиняной утварью, фрагментами черепицы и покрытыми орнаментом и изображениями кирпичами эпохи Тан эта находка в деталях подтверждает традицию, стойко передаваемую на протяжении более 1200 лет.

Несмотря на неоднократные разрушения и последующие восстановления, перед нами предстает то самое место. Сегодня на поверхности не осталось ничего, что отличалось бы хоть какой-то древностью, но в Китае значимы отнюдь не материальные элементы конструкций и сооружений. Сам дух места порождает легенды, песни и стихи, передаваемые через поколения и становящиеся сокровищами; именно это Конфуций называл «нашей культурой»².

Однако писать о китайском прошлом — нелегкая задача, особенно для того, кто не является профессиональным синологом. Китай — огромная и невероятно богатая, поистине неисчерпаемая тема, «другой полюс человеческого разума», как выразился Симон Лейс в своем знаменитом эссе³.

История Китая необъятна: на тему каждой из глав моей книги написано столько трудов, что их хватило бы на целые небольшие библиотеки! И эта история расширяется с каждым днем благодаря потоку новых открытий, не иссякающему в последние годы⁴. Среди множества недавно обнаруженных текстов, которые все еще находятся в процессе первичного изучения и подготовки к публикации, имеются, например, потрясающие собрания частных писем, законодательных сводов и судебных дел, восходящих ко временам империй Цинь и Хань (III в. до н. э. — III в.).

После открытия Терракотовой армии в гробнице Первого императора, которое было сделано в 1974 г., состоялось множество других сенсационных археологических находок — таких, например, как удивительная и доисторическая обсерватория, обнаруженная на археологическом памятнике бронзового века в Таосы (2600-1800 гг. до н.э.) в долине реки Фэньхэ в провинции Шаньси. Хотя многие из них еще только предстоит ввести в научный оборот, я попытался по возможности давать самые свежие описания: в частности, предварительная интерпретация поразительных находок на более северном памятнике Шимао (2300-1800 гг. до н.э.), излагаемая в первой главе, была предложена проводившими раскопки археологами только в 2017 г. Ранний период китайской истории остается особенно интересной и постоянно развивающейся областью исследований.

Что касается формата этой книги, то я в манере кинорежиссера старался следовать основной линии повествования, делая время от времени отступления для съемок крупным планом, то есть выделяя отдельные места, эпизоды и биографии, предоставляя слово большим и малым. Описывая жизнь обычных людей в самом начале своего рассказа, я с благодарностью пользовался новыми находками, подобными личным письмам солдат империи Цинь — той самой Терракотовой армии, какой она была в реальности, — или письмам из дальних гарнизонов империи Хань, охранявших одинокие сторожевые башни на диких просторах вдоль Шелкового пути.

Такой метод обеспечивает тот уровень непосредственного восприятия событий, которого мы, британцы, достигли благодаря деревянным табличкам из крепости Виндоланда у Андрианова вала. От империи Тан остались письма, которыми обменивались буддийские монахи в Китае и Индии. Что касается более поздних периодов, то в нашем распоряжении имеются переписка матери и дочери, застигнутых врасплох ужасами маньчжурского завоевания; детский дневник, написанный во время Тайпинского восстания; записки сохранивших верность правительству сельских чиновников-конфуцианцев в закатные дни Последней империи; личные дневники и письма с рассказами о Ихэтуаньском восстании (1899-1901), вторжении японцев и «культурной революции». Во всех этих случаях, как заметит читатель, я постоянно использую метод «вида из деревни», полагая, что большую историю можно эффективно осветить при взгляде с самой земли.

Нередко на ход повествования так или иначе влияли мои личные предпочтения, из-за чего в книге встречаются порой довольно прозаические фрагменты, посвященные отдельным личностям: например, буддийскому паломнику Сюань-цзуну, чье путешествие в Индию

послужило началом одного из важнейших эпизодов культурного обмена в истории; поэтам Ду Фу и Ли Цинчжао, которые жили в эпоху катаклизмов, охвативших империи Тан и Сун; «вольному и беззаботному страннику» Сюй Сякэ, ставшему свидетелем заката империи Мин; самому любимому писателю-романисту Китая, трагичному писателю Цао Сюэциню, творившему посреди великолепия XVIII в.; пламенным феминисткам-революционеркам Цю Цзинь и Хэ Чжэнь, действовавшим на закате империи. Живые и мощные голоса всех этих людей, донесенные до нас великолепными переводчиками на английский язык произведений китайской литературы — среди них Патрисия Эбри, Рональд Эган, Джулиан Уорд, Дэвид Хоукс, Дороти Коу и многие другие, — позволяют нам вплести эти драматические личные истории в рассказы об их временах.

Я также пользовался свидетельствами ныне живущих людей, рассказывающих о прошлом на основании семейных документов и устных преданий, в которых описывается участие их предков в великих исторических событиях: таких, например, как крушение империи Юань, Тайпинское восстание, ставшее самой кровопролитной войной XIX в., или «культурная революция» 1966-1976 гг. В частности, в моем тексте читатель найдет свидетельства семейства Бао из деревни Таньюэ, аристократического клана Се из уезда Цимэнь, представителей рода Чжао из провинции Фуцзянь, семейств Фэн из уезда Тунчэн, Чжан из провинций Хэнань, Фуцзянь и Хунань, Цинь из округа Уси.

Зафиксированные в бережно хранимых семейных летописях-ксилографиях и, как и прежде, передаваемые из поколения в поколение, эти истории позволяют нам получить представление о той глубокой культурной преемственности, которая по-прежнему ощущается многими китайцами, несмотря на все пережитые ими грандиозные перемены. В последней главе, описывая события, последовавшие за смертью Мао Цзэдуна, я мог опираться на материалы интервью, которые были взяты в 2018 г. у непосредственных современников политики «реформ и открытости», запущенной сорок лет назад: бывших университетских студентов из Пекина и Шанхая, партийных функционеров из промышленного Гуанчжоу, крестьян с «бесплодных земель» аграрной провинции Аньхой — эпицентра драматических событий 1978 г., когда люди отвернулись от маоизма и бросились в объятия рынка. Проведенные во всех этих местах несколько месяцев 2018 г., пришедшиеся на подготовку этой книги и посвященные осмыслению событий минувших сорока лет, а также беседы с живущими там людьми, смогли, как я надеюсь, придать моему повествованию об этом критически важном периоде перемен оттенки

непосредственной причастности, которого можно добиться лишь благодаря свидетельствам очевидцев.

Кроме этого, я старался привязать свои рассказы к реальным местам и ландшафтам, будучи убежденным, что обрамляющая историю география всегда имеет важнейшее значение. История Китая как обжитого человеком пространства чрезвычайно глубока; как писал поэт Ду Фу в 757 г., в самый разгар кровопролитного мятежа Ань Лушаня, «страна распадается с каждым днем, но природа — она жива»*. Ландшафты и местность и есть упоминаемое здесь «живое». Во многих городах Китая люди жили на протяжении двух или даже трех тысячелетий, и описание того, как эти города менялись с течением времени, может дополнить изложение исторических событий.

Поэтому я и пытался поддерживать это чувство места на протяжении всего повествования. Причем, поразмыслив, я решил не ограничивать себя в употреблении имен и географических названий, которые упоминаются у меня столь же часто, как, например, Сомерсет и Шеффилд в какой-нибудь книге, посвященной Англии. Не думаю, что этого можно было как-то избежать; не китайскому читателю придется довериться рассказчику, но довольно быстро, я уверен, он начнет ориентироваться в том, где находится современная провинция Хэнань и куда течет река Хуанхэ, — и в этом, кстати, есть своя прелесть!

Надеюсь, что замечательные карты, которыми снабжена книга, помогут в этом деле. На них расширяющиеся и сужающиеся контуры Срединного царства подобны очертаниям живого организма, которым оно в определенном смысле и остается. На этих картах представлено не только торжество великих империй — Тан и Сун, Мин и Цин, — но и периоды их упадка и распада, что может оказаться не менее значимым. Как говорится в начале знаменитого романа «Троецарствие», «великие силы Поднебесной, долго будучи разобщенными, стремятся соединиться вновь и после продолжительного единения опять распадаются»**.

И наконец, о том, откуда пришла идея этой книги. Вдохновением для «Китайской истории» послужила серия фильмов, снятых в период с 2014 по 2017 г. для BBC и PBS, которые показывались в Китае и по всему миру. Конечно, любой иностранец, будь то писатель или режиссер, взявшийся за изображение другой культуры, не говоря уже о столь великой

* Ду Фу. *Весенний пейзаж* / Пер. А. Гитовича // *Поэзия эпохи Тан*. — М.: Художественная литература, 1987. С. 173-174. — *Прим. ред.*

** Перевод с китайского В. А. Панасюка. — *Прим. пер.*

цивилизации, как китайская, рискует столкнуться с непредвиденными сложностями. Несмотря на это, фильмы были тепло встречены китайской аудиторией; по словам государственного информационного агентства «Синьхуа», им удалось «преодолеть национальные и религиозные барьеры и донести до телезрителей нечто необъяснимо мощное и трогательное». Это вдохновило меня; я решил вновь оценить собранный материал и взяться за более подробное повествование. Разумеется, книга — совсем другой продукт, нежели телевизионная популяризация, подготовленная для массового зрителя; она позволяет сделать рассказ гораздо более «плотным», глубже погрузиться в окружающий ландшафт и отдельные жизнеописания. Но при этом она точно так же может предложить захватывающую историю, отличающуюся необыкновенным творческим подходом, напряженной сюжетной линией и глубокой человечностью. Надеюсь, что хотя бы какая-то часть экранной яркости пролилась и на эти страницы. В конце концов, во всей истории человечества найдется не так много столь же завораживающих, поразительных и важных сюжетов.

Пролог

ПЕКИН, ДЕКАБРЬ 1899 г.

Морозным декабрем 1899 г., за два дня до зимнего солнцестояния¹, император Гуансуй² во главе огромной и живописной процессии покинул Запретный город через ворота Тяньаньмэнь. В желтом паланкине, покоившемся на плечах шестнадцати слуг в алых одеждах, его отнесли к закрытой занавесками правительственной повозке, в которую был впряжен покрытый попоной слон. Императорский наряд состоял из длиннополого парадного халата (чаофу) желтого цвета, расшитого драконами синего цвета с пятью когтями, синей накидки и зимней шапочки черного цвета с пришитыми круглыми полями, отделанными собольим мехом. Головной убор был оторочен малиновым шелком и увенчан жемчужинной на позолоченном шипе.

Рядом с ним на лошадях восседали евнухи в роскошных шелковых одеждах, а за ними следовал эскорт телохранителей с леопардовыми хвостами на шлемах, императорские конюшие в одеждах из темно-бордового атласа, знаменосцы с драконами на треугольных штандартах и всадники с луками, позолоченными колчанами и желтыми черпаками. Всего в зимних сумерках под синевато-стальным небом собрались две тысячи сановников, вельмож, чиновников, распорядителей, музыкантов и слуг.

В сопровождении этой блестящей свиты император направился к храму Неба — огромному императорскому святилищу на южной окраине Пекина. Процессия двигалась через центральные городские ворота Цяньмэнь и далее по мраморному Небесному мосту, который

был загодя очищен от мелких торговцев и попрошайек. Широкую дорогу специально посыпали желтым песком, чтобы императорский экипаж не трясся на замерзших, изборожденных колеями пекинских улицах. Любой шум был запрещен: ничто не должно было нарушать тишину и мешать проведению священных обрядов. Была остановлена даже недавно запущенная в Пекине электрическая трамвайная линия фирмы *Siemens*, ведущая к воротам Юндинмэнь в южной части Внутреннего города: ее свистки и звоночки смолкли.

Миновав ворота, процессия вступила в Китайский город с его скопищем узких улочек, храмов и базаров. Боковые переулки были завешены огромными синими полотнищами. Людям приказали оставаться в домах, окна по пути процессии были закрыты ставнями, а иностранцев, которых в городе теперь было великое множество, на страницах англоязычной *Peking Gazette*³ предупредили, чтобы они не приближались с целью поглазеть на церемонию. Никому не было позволено наблюдать за тем, как император отправляет свою священную обязанность, а тем более смотреть ему в лицо.

Его бесстрастный взгляд был направлен строго вперед, на вытянутом белом лице с выдававшимися скулами уже можно было заметить признаки болезни, диагностированной его французским доктором как хронический пиелонефрит. Уроженцам Запада, которые видели императора на публике, нередко казалось, что в его чертах запечатлелась тревога. То был груз невыносимых тягот правления, страх потерпеть неудачу, а еще — страстное желание принести пользу своему народу. Государь сам не раз заявлял о стремлении «вернуть империи былое процветание и могущество» в надежде, как он однажды выразился, «начать, если получится, новую эпоху, слава которой затмит свершения наших предков».

Если бы император соизволил задуматься об этом — а происходящее было прежде всего церемонией для размышлений, — то его незамедлительно посетила бы мысль о том, что династия, к которой он принадлежал, занимала трон с 1644 г. и что с тех пор одиннадцать маньчжурских правителей восстановили и даже приумножили славу прежних династий*. В XVIII в., находясь на пике своего могущества, Китай был ведущей державой мира, а 61-летнее правление императора Канси было одним из величайших периодов китайской истории. Когда сто лет назад, в 1799 г., умер его прапрадед Цяньлун, империя Цин обладала непревзойденными мощью и размахом, включая в себя Монголию, Тибет, Центральную Азию и простираясь вплоть до джунглей Вьетнама и северной

* В империи Цин правила династия Айсингиоро. — Прим. науч. ред.

Бирмы. Помимо этнических китайцев (*хань*), власть Сына Неба признавали триста разных племен и народностей. Но рост населения, тяжесть налогов, природные бедствия и то неуловимое ощущение утраты спланиваемого чувства, которое способно разрушить изнутри даже самое великое государство, уже подтачивали самосознание правящей династии.

В 1842 г. Великая Цин потерпела поражение от англичан в Первой опиумной войне, а затем испытала потрясения длившегося шестнадцать лет Восстания тайпинов, жертвами которого стали 20 миллионов человек. Начиная с сороковых годов XIX в. европейские державы стали открывать договорные порты и создавать свои анклавы вдоль всей береговой линии Китая, что шаг за шагом подрывало старые ценности империи. Краткий период восстановления был прерван унижительным поражением в китайско-японской войне 1894 г., а еще через три года Германия вытребовала для себя новые уступки, разрушая и без того изрядно пошатнувшийся авторитет имперских властей. Ощущение кризиса нарастало. В 1898 г. группа прогрессивных чиновников, журналистов и демократов под руководством реформатора Кан Ювэя инициировала «Движение за самоусиление»*, и молодой император встал на их сторону. Но результаты Ста дней реформ (с 11 июня по 21 сентября) были сведены на нет усилиями консерваторов, которых возглавила вдовствующая императрица-мать. С этого момента император стал пленником в собственном государстве.

В это судьбоносное время начались мятежи. На протяжении 1898 и 1899 гг. в провинции Шаньдун свирепствовал голод. Возмущенные тем, что им казалось иностранной провокацией, отчаявшиеся крестьяне сформировали ополчение, которое получило название «отряды справедливости и согласия»**, в ходе разразившегося насилия они нападали на христианские миссии, разоряя церкви и убивая крещеных китайцев. В конце 1899 г., воодушевившись поддержкой шаньдунского губернатора, группы ихэтуаней начали продвигаться на север, выходя за пределы сельской местности. Миновав нищие и замерзшие поля провинции Шаньдун и покрытые сажеей горняцкие города провинции Шаньси, восставшие вышли к предместьям императорской столицы. Поэтому именно сейчас, в день зимнего солнцестояния, когда деревни к востоку и югу от города были охвачены пламенем, предстоящий древний ритуал на алтаре Неба обретал

* Цзыцян юньдун (自强运动). — Прим. пер.

** Ихэтуань (义和团), или Ихэцюань (义和拳). В английском языке восставшие именовались боксерами. — Прим. пер.

особую значимость, питаемую искренней надеждой на благоприятный исход. Возможно, было еще не поздно изменить предначертанное, воззвав к вековечному небесному порядку, который оберегал китайское государство во всех перипетиях его триумфов и трагедий.

С тех пор как было разгромлено реформаторское движение 1898 г., императрица-мать Цыси захватила власть и поместила своего племянника-императора под домашний арест. Теперь же 64-летняя своевольная и невероятно умная правительница, по-прежнему сохранявшая властные полномочия, сама была потрясена. «Ситуация становится угрожающей, — частным образом признавалась она, — а иностранные державы смотрят на нас глазами тигра, предвкушающего добычу... Все стремятся навязать нашей стране свою волю»⁴. Но великие государственные церемонии должны продолжаться, и никакая другая не была важнее, чем отправление Церемонии, приуроченной к зимнему солнцестоянию: действия, в котором император молит о благополучии от имени Поднебесной, отчитываясь перед предками о состоянии империи и взваливая на свои плечи особое бремя — грехи всей страны.

Процессия почти дошла до южной окраины города, где внешняя стена заканчивалась, и в зимних сумерках начинали проступать поля, каналы и аккуратно стриженные ивы. Сейчас Сыну Неба было 28 лет. В шестилетнем возрасте он стал императором под опекуном императрицы Цыси, а затем приступил к долгому процессу освоения древних конфуцианских премудростей. Его полное лишений детство⁵ прошло под присмотром воспитателя, холодного и сурового Вэна, в просторных и мрачных пределах Запретного города, где сменявшие друг друга евнухи издевками и угрозами старались направить его ум на изучение обязанностей правителя. Его долг, как учили, состоял в том, чтобы «быть честным, великодушным, благородным и мудрым», поощрять конфуцианские добродетели и изучать показательный опыт своих предшественников-императоров, как хороших, так и плохих. Став старше и, вероятно, мудрее, он обнаружил, что заперт в позолоченной клетке, на страже которой стоят попечители-тюремщики, а также его собственная робость и нелюдимость: «Когда мы получили право единоличного управления империей, мы понимали всю сложность государственных дел, усугубляемую кризисом, который охватил нашу страну. Поэтому наши мысли днем и ночью были заняты проблемами, осаждавшими Китай со всех сторон».

После десяти лет обучения наукам император внешне являл собой тип мудреца на троне, но в реальности был погруженным в себя, задумчивым человеком, склонным к внезапным эмоциональным вспышкам и никак не подходившим для того, чтобы вернуть империи процветание

и могущество. Его советники — прозападные реформаторы, такие как Кан Ювэй и Лян Цичао, — были приговорены к смерти и бежали в Японию, что похоронило надежды императора на конституционную реформу. Как выразилась вдовствующая императрица, их девизом было «защищать и оберегать Китай, а не империю Цин... И они по-прежнему пишут предательские воззвания из-за границы, представляя себя реформаторами, противостоящими консерваторам, и не понимая, что наша империя покоится на прочном фундаменте, а ее правители, почтительно следующие заложенным предками принципам государственного управления, восседают на незыблемом основании». Во всяком случае, прямо сейчас, под бескрайним темнеющим сводом зимнего неба, в бледном свете восходящей ущербной луны это основание по-прежнему казалось прочным.

В то самое утро 20 декабря, когда император готовился к церемонии, англоязычная *Peking Gazette* в разделе «Вести из столицы» разместила крайне необычное сообщение, посвященное только что вышедшему императорскому указу, который был прямо обозначен как «то, что император вынужден заявить». В своем довольно бессвязном манифесте властитель признал, что Китай сталкивается со множеством проблем, а затем, не скупясь на похвалу, принялся благодарить императрицу-мать: «Мы вступили на трон, будучи еще ребенком, и выражаем признательность Вдовствующей императрице за ее нежную заботу и неутомимую энергию в стремлении привить нашему восприимчивому уму принципы правильного поведения. Нужно признать, что этот процесс продолжался на протяжении почти тридцати лет».

Процессия, наконец, прибыла к святилищу, находившемуся на южных рубежах города. Его строили с 1406 по 1420 г., в царствование императора Юнлэ, при котором был сооружен Запретный город. Ближе всего к воротам стоял сам храм Неба, выделяясь величественным округлым куполом с тройной кровлей и золотым навершием, «сверкавшим подобно жемчужине» в последних лучах солнца. Двигаясь вдоль центральной аллеи, участники процессии подошли к непосредственному месту проведения ритуала — алтарю Неба. Возведенный в 1530 г. императором Цзяцзином, он (как и сейчас) находился внутри огромного огороженного стенами квадратного пространства посреди парка, в котором росли древние кипарисы. Большой трехъярусный алтарь стоял в самом центре под открытым небом и был посвящен культу *тянь* (обожествленного Неба). «Сияющий в своем гордом одиночестве, он не сравним ни с одним святилищем на земле по глубине и грандиозности замысла, — писал современник. — Это одно из самых впечатляющих зрелищ во всем мире»⁶.

В наши дни, как и прежде, алтарь представляет собой огромную выложенную из белого мрамора в три уровня окружность около 135 метров в диаметре, которая помещена внутри квадрата в соответствии с древними образами: земля прямоугольна, а небо округло. В западной части внутреннего двора находится Чертог постящихся, или Дворец воздержания. Здесь императору предстояло провести самое темное время ночи, готовясь к исполнению своего священного долга, ибо, по словам одного из участников, «считается, что, если он не преисполнится благочестивыми мыслями, то незримые духи не явятся к жертвоприношению».

К четырем часам вечера бледный свет зимнего дня тускнеет, и серая линия гор на западе проступает особенно четко. Суровыми зимами 1890-х гг. на солнцестояние часто шел снег, а мороз был настолько сильным, что кто-то из участвовавших в церемонии священнослужителей⁷ сказал английскому посланнику: «В такие дни даже высокие войлочные сапоги и самые теплые меха не спасают здоровых и полных сил людей от промерзания до костей, а в отдельных случаях и от могилы».

Внутри огромного двора были завершены приготовления к захватывающему представлению, которое вот-вот должно было начаться, — актеры и реквизит ожидали торжественного открытия императорского театра. Ниже алтаря на высоких красных столбах и обвитых драконами стойках для музыкальных инструментов были размещены гигантские светильники. Специальные деревянные подставки предназначались для набора, который состоял из подвешенных бронзовых колоколов и шестнадцати музыкальных плит (литофонов), изготовленных из темно-зеленого нефрита. Их звучанию предстояло облегчить связь с миром духов. С первыми порывами снежной бури подняли императорские знамена, а на самой высокой платформе лицевой стороной к югу установили сооружение, представлявшее модель неба. Его освещали сотни факелов, пламя которых отражалось на матовой поверхности покрытых изморосью террас⁸.

Вокруг алтаря свои места заняли священники и придворные, чиновники департамента ритуалов, а также служители, отвечавшие за подушки для коленопреклонений и воскурение благовоний; некоторые из них были обязаны подносить императору жертвенное мясо и вино в изысканных закрытых алтарных чашах, изготовленных из фарфора цвета бледной луны и покрытых позолоченным лаком. Рядом с императорским местом на втором ярусе находился специальный подсказчик, призванный наблюдать за порядком проведения церемониального действия. Внизу во дворе раскалили огромную печь для жертвенного быка, а также печи поменьше для шелка и других подношений. Распорядок ритуала

должен был соблюдаться неукоснительно в соответствии с «Руководством по поклонению и Иллюстрированным справочником по церемониальным принадлежностям империи Цин», опубликованным маньчжурами в середине прошлого века.

За закрытыми дверями Чертога воздержания, обогреваемого жаровнями, император к середине ночи завершил свои молитвы и медитации. За всю историю не было сделано ни единого рисунка или фотографии этого самого священного из обрядов. Несмотря на то что вдовствующая императрица при своем дворе позволяла использовать фотоаппараты и умела позировать для постановочных снимков, иностранцам никогда не разрешалось лично присутствовать на церемонии. О том, что происходило дальше, мы знаем лишь из дошедших до нас ритуальных справочников и рассказов непосредственных участников.

В полночь церемония началась. Музыкальная часть открылась звуками флейт, трелями колокольчиков и перезвоном литофонов. Подсказчик дал сигнал к началу ритуала, и руководящий церемониймейстер хриплым голосом воззвал во тьму. В первую очередь был совершен обряд поклонения Небу. Огни жертвенных печей бросали свои отблески на бледные мраморные террасы, заставляя блестеть золотые нити на синих одеяниях чиновников-мандаринов, выстроившихся на трех больших ярусах алтаря.

Как только зазвучала музыка, император преклонил колени у подножия ступеней, ведущих со второй террасы к верхней платформе, где в самом центре располагался круглый камень, символизирующий *axis mundi*, мировую ось — высшее проявление принципа *ян*, средоточие вселенной. Обратившись лицом к северу, он совершил обряд поклонения перед табличкой с именем духа Неба, которая помещалась на северном краю верхней террасы. Он также воздал дань уважения Пяти основателям — мифическим китайским государям, правившим, согласно традиции, в далеком прошлом, — а также своим первопредкам.

Внизу, на каменной мостовой внутреннего двора, одетые в красное музыканты императорского придворного оркестра исполняли величественный концерт на свирелях, а в это время сам император беспрестанно совершал поклоны и падал ниц. По мнению некоторых, это была нелегкая работа. Прапрадед нынешнего императора Цяньлун⁹ в свои преклонные годы поручал ее одному из молодых принцев. «Было очень важно, — говорил он, — чтобы все исполнялось неукоснительно и без малейших ошибок. Сам Цяньлун в конце концов сдался со словами: «Все эти восхождения и спуски, поклоны и вставания сильно утомляют, в моем возрасте это неправильно».

Затем император положил перед табличками скипетр из голубого нефрита и совершил приношение пищи и возлияние вина перед табличкой духа Неба. Исполнив тройное коленопреклонение и девять раз коснувшись лбом пола в глубоких поклонах, он принес воздаяние двенадцатью отрезами наилучшего шелка. За этим последовало огненное жертвоприношение: бык «одной масти, без пятен и изъянов» был заранее подвергнут ритуальному очищению и приготовлен для сожжения в печи. За два часа до рассвета, по сигналу, поданному распорядителем двора, император и придворные еще раз склонились в глубоком поклоне и простерлись ниц, вознося молитву обожеествленным силам природы. Затем музыка прекратилась. Все замерло в молчании. Император произнес:

Император прославленной империи Великая Цин подготовил это обращение, чтобы воззвать к духам солнца, луны и планет, созвездий зодиака и всех звезд на небе, дождевых облаков, ветра и грома, духам пяти великих священных гор, четырех морей и четырех великих рек, разумным сущностям, которым поручены дела на земле, всем надземным духам на небесах, духам-покровителям этого года: мы молим вас от своего имени употребить вашу духовную мощь и предпринять самые серьезные усилия для того, чтобы донести наши ничтожные пожелания до Верховного Владыки Неба (Шан-ди), умоляя его, чтобы он милостиво удостоил нас своим вниманием, чтобы он соблаговолил принять наши почтительные подношения...

Истоки этого живописного и архаичного ритуала¹⁰, сопровождаемого заклинаниями, огненными жертвоприношениями и ритуальным забоем быков, насчитывают более трех тысяч лет, восходя к церемониям бронзового века, которые описаны на гадальных костях. Весь ход роскошного представления был призван выразить традиционную для Китая идею связи между человечеством, небесами, космосом и землей. Когда свет солнца слабее всего, а климат наиболее суров, когда все живое сковано холодом, человеческим существам самое время молить об обновлении, хорошем урожае и плодородии почвы. На протяжении всей китайской истории подобные первобытные верования были тесно связаны с благополучием правящей династии. Так Китай отчитывался перед предками, поддерживая с ними своеобразный союз. К тому же в основе ритуала, как следует из самого характера церемонии, скрытой от взоров простых людей, лежало четкое разделение между правителями и народом, что подчеркивало иерархию, в рамках которой мудрец-правитель распоряжается

жизнями простолюдинов и выступает посредником в их взаимоотношениях с силами космоса.

Таким образом, через весь ритуал красной нитью проходит важнейшая истина, выражающая саму суть религиозных представлений китайской цивилизации. Употребляя определенные слова — небеса (*тянь*), путь (*дао*), правитель (*ван*), — император становился живым воплощением китайских представлений о порядке и власти, которые впервые появились в IV тысячелетии до н. э. и которые сохранялись также в его дни, несмотря на неожиданные и резкие посягательства со стороны западной современности. Это было древнее представление о Небе как о верховном божестве, надзирающем за человеческими делами, и в то же время как о высшей космической реальности, совокупности беспристрастных законов мироздания. «Путь» вбирал в себя главные принципы, поддерживающие равновесие космоса, и долгом мудрых советников было постичь и придерживаться их. Эти смысловые потоки сходились в фигуре монарха, верховного политического лидера, воплощения мудрости, в отсутствие которого общество неизбежно ожидает распад. Теперь же все это ложилось на плечи хрупкой и неуверенной в себе личности.

Император вновь совершил три коленопреклонения и девять поклонов, а затем направился к дровяной печи. В нее с величайшим почтением были сложены все пожертвования, церемониальные надписи, шелковые свитки и написанные на бумаге заклинания, чтобы при сожжении, «сопровождаемые нашими искренними молитвами, они с порывами пламени вознеслись в лазурную даль». Под звуки исполняемой в тот момент «песни города Сипин» император в молчании наблюдал за тем, как листы с молитвами сначала извивались в пламени, а потом сгорали дотла. Наконец он направился к выходу.

Угли медленно гасли, а случайные снежинки еще кружились в воздухе, когда на горизонте за темными рядами кипарисов забрезжили первые проблески зари. Император поднялся в экипаж и отправился обратно в Запретный город. Сомкнувшиеся за ним ворота возвращали его под домашний арест. Без сомнения, Небо услышало призывы своего сына. Тем не менее в течение нескольких последующих дней, пока в Посольском квартале Пекина европейцы с тревогой встречали свое Рождество, мятеж в сельских районах лишь набирал силу. В последние дни 1899 г. поступали известия о все новых убийствах китайских неофитов-христиан и разграблении церквей, а отряды ихэтуаней продвигались все ближе к столице. 31 декабря в Шаньдуне восставшие схватили преподобного Сиднея Брукса из Миссионерского общества, надели ему

на шею деревянную колодку, провели в таком виде по улицам, а затем обезглавили. Он стал первым иностранцем, павшим жертвой мятежа.

Буквально через несколько дней, под давлением консерваторов в правительстве, вдовствующая императрица изменила свое мнение о боксерах и издала указ¹¹, который, по мнению многих, выражал согласие с восставшими и их лозунгом «Поддержим Цин, истребим чужеземцев». Отряды ихэтуаней в предместьях Пекина и Тяньцзиня начали разбирать железнодорожное полотно, обрывать телеграфные провода и сжигать дома иностранцев. В панических письмах из иностранных кварталов говорилось о том, что деревни кишат «голодными, недовольными, отчаявшимися бездельниками»¹². Весной командующие флотами союзников начали атаковать китайские крепости на побережье, а в Европу полетели срочные депеши, требующие подкреплений. Наконец, 21 июня вдовствующая императрица объявила, что Китай находится в состоянии войны с восемью иностранными державами, после чего бежала из столицы. Вскоре боксеры начали 55-дневную осаду Посольского квартала. Она обеспечила западную прессу достаточным количеством сюжетов на тему европейского героизма, а также того, что на Западе считали вспышками иррационального варварства восточных дикарей, восставших против «цивилизованного мира».

Так начался новый век по западному календарю; в то время казалось, что Китай, подобно другим частям света, будет расчленен и поделен между иностранными державами или же превратится в конгломерат региональных государств, как уже случалось в X в. в эпоху Пяти династий или в конце пути империи Юань — периода монгольского правления. В мае 1900 г. войска восьми союзных держав заняли Пекин, а на священной территории храма Неба, оккупированной американскими солдатами, разместился временный командный пункт коалиции. Храм и великий алтарь были осквернены, фасады зданий изуродованы, сады вытоптаны, а кипарисы вырублены. Хранившиеся на складах ритуальные принадлежности были украдены, а музыкальные инструменты сломаны.

Проведенная на солнцестояние 1899 г. ритуальная церемония, таким образом, оказалась последней в своем роде. В 1914 г., уже после падения империи, военный диктатор Юань Шикай, желая подкрепить свои претензии на пост президента, попробовал собрать уцелевшие фрагменты и возродить церемонию. В тщетной попытке воззвать к духам он даже «воспользовался кинематографом», но то, что в итоге получилось, было всего лишь костюмированным представлением. Глубинный смысл архайческих жестов, слов и музыки внезапным и удивительным образом испарился.